

Spenkuch, Hartwin: Preußen – Eine besondere Geschichte. Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur 1648-1947. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019. – 532 S. – ISBN: 978-3-525-35209-0

Шпенкух, Хартвин: Пруссия – особенная история. Государство, хозяйство, общество и культура 1648-1947. Гёттинген: Фанденхёк Рупрехт, 2019. – 532 с. – ISBN: 3-525-35209-0

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00019>

Книга Хартвина Шпенкуха, сотрудника Берлинско-Бранденбургской Академии наук по политической и культурной истории Пруссии, посвящена систематического обзору основных вех и сторон прусской истории второй половины XVII – первой половины XX вв. Начиная с раннего Нового времени и заканчивая XX столетием включительно история Пруссии составляла предмет интереса для историков в силу целого ряда причин: своеобразного положения страны между Западом и Востоком; противоречия между тягой к внутренней государственной централизации и тенденциями к регионализму; в силу своей особенной военной организации и вмешательства государства в хозяйственную жизнь, своеобразия устройства руководящих элитных групп и способов обращения с религиозными и национальными меньшинствами, а также благодаря той роли, которую играли ее культура, система образования, наука и церковь. Тем не менее, со временем как интересы исследователей, так и методы исследования менялись. После объединения Германии в 1990-е годы в исследованиях истории Пруссии на первый план выходят культурологические и постнациональные подходы, благодаря чему фокус исследований все больше смещается в сторону такого круга проблем, как деконструкция и реконструкция национальных мифов, культуры памяти, социальная история войн, микроистория жизненных миров и отношений между полами.

Как отмечает автор в предисловии к своей книге, после 1945 года общие рамки исследования истории Пруссии значительно сузились. Сама прусская государственность была ликвидирована союзниками в 1947 году и не подлежала восстановлению, подавляющая часть архивов осталась в советской зоне оккупации (с 1949 года – ГДР) и была малодоступна для историков с Запада. Что же касается западногерманских историков, то они в первые послевоенные десятилетия предпочитали заниматься историей немецких земель, вошедших в состав ФРГ. Исследования Пруссии и восточнонемецких земель получили новый импульс в 1990 году, когда были основаны Федеральный институт восточно-немецкой культуры и истории в Ольденбурге и Фонд Бисмарка, а также ряд исследовательских центров в Лейпциге и Потсдаме. Стало выходить довольно много книг по истории прусской аристократии, культуры и системы государственного управления. Характерной чертой изучения истории Пруссии/Германии в современной ФРГ является то, что она не ограничивается историографическими и методологическими спорами в среде самих историков, но периодически провоцирует острые общественно-политические дебаты, что связано с различиями в исторических судьбах и политической культуре разных немецких земель, входящих сегодня в состав объединенной Германии, а также с различными оценками различных этапов истории Пруссии и ее государственных деятелей. Эта периодически вспыхивающая и угасающая полемика, которая не ограничивается сугубо академическими кругами, может служить ярким примером стремления

современного немецкого общества к переосмыслению своей истории в свете новых исторических фактов и общественно-политических императивов.

От прежних работ по истории Пруссии исследование Х. Шпенкуха отличается своим панорамно-энциклопедическим характером. В результате оно кристаллизуется в сложный историко-тематический комплекс, состоящий, по крайней мере, из семи составляющих: (1) Пруссия между Востоком и Западом: история ее внешней политики с 1648 по 1933 г.; (2) хозяйство Пруссии: территориальное расширение; меркантилистское государственное хозяйство; индустриализация и ее движущие силы – металлургия и строительство железных дорог; государственная таможенная и финансовая политика; (3) регионы Пруссии: диалектика интеграции и стремления к автономии на приобретенных или завоеванных территориях с XVIII по XIX век; (4) прусское общество: крестьянство, дворянство, буржуазия; рабочее движение; военные и милитаризация общества; меньшинства — евреи, поляки, славяне; (5) политическая система Пруссии: от абсолютистской монархии к демократическому «свободному государству»; государственное строительство и роль династии Гогенцоллернов и чиновничества; реформы и контрреформы; конституционное развитие и политическая культура; Пруссия как «свободное государство» (1919 – 1933); (6) государственная культура, культурное государство и общественные культуры в Пруссии от монархического двора до культуры модерна больших городов: изобразительное искусство, музыка, литература, архитектура; памятники и политические праздники; наука и образование; протестантизм и католицизм; (7) Пруссия и мир: историография и культуры памяти в процессе перемен; интернациональные связи и транснациональные отношения как поле будущих исследований.

Руководящей идеей исследования автору служит тема прусского государственного строительства, помещенная в общеевропейский контекст. При этом речь идет не об «идеальной государственной идее» Пруссии, и тем более не об апологии прусской монархии и ее внутренней и внешней политики, но об амбициозной попытке постичь сложно структурированное проблемное поле, включающее в себя территориальную экспансию и способы осуществления политического господства, создание бюрократического аппарата управления и развитие вооруженных сил и военного дела, возникновение налогового, правового и опекающего хозяйства государства. Особое внимание при этом автор уделяет также организации самого хозяйства, диалектике отношений между центральной и региональными властями, изменениям политической системы и форм гражданского участия, положению женщин и меньшинств, а также научной, образовательной и культурной сферам как пространствам относительной свободы. В этом автор, по его собственному признанию, следует указаниям Макса Вебера о необходимости помещать хозяйство, общество, политическое господство и культуру в более общие рамки государственного строительства.

Процессы государственного строительства в Пруссии автор разделяет на несколько исторических периодов. Самые важные из них – это период сложения Пруссии в качестве территориального государства, пик которого приходится на XVIII и начало XIX века, отмеченные подчинением сословий прусскому абсолютизму и объединением отдельных земель в единое государство. Главными агентами государственного строительства на этом этапе выступали королевское чиновничество и офицерский корпус армии, набравшийся из числа дворян из сословия помещиков-юнкеров. Им принадлежало право определения того, что собой представляли государственные интересы. Институционально оформленные монархия, бюрократия и армия продолжали претендовать на руководство прусским обществом на протяжении всего XIX века, несмотря на то, что процессы модернизации и индустриализации в этот период привели к появлению новых социальных групп, заявивших о своих правах на участие в общественно-политической жизни и давших исходный импульс формированию массовых партий. Однако на третьей фазе истории Пруссии (1871 – 1918) старым элитам оказалось не под силу осуществить программу социальной интеграции мобилизационного общества и создать современную нацию. Монархия в сочетании с

бюрократическими и военными элитами, а также авторитарные традиции блокировали развитие политической системы. Только после крушения монархии в 1918 г. появились предпосылки для демократизации Пруссии и Германской империи. Однако духовное наследие империи продолжало тяготеть над общественно-политической жизнью страны вплоть до кризиса 1930-х гг.

Подводя итог своим историческим изысканиям, автор отмечает два важных момента. Во-первых, в последнее время в среде историков наметился пересмотр традиционно господствовавшей точки зрения, согласно которой государство в Пруссии было всем, тогда как гражданское общество, напротив, находилось в загоне. Современные ученые-историки придерживаются по этому вопросу более сбалансированной точки зрения, согласно которой не только прусское гражданское общество сыграло большую роль в истории Пруссии/Германии, но и само прусское государство следует рассматривать не просто как систему власти, возвышающуюся над обществом и отдающую ему свои приказы, но как политическое образование, тысячами нитей переплетенное с гражданско-правовыми практиками и институтами на местах. Автор показывает, что прусское гражданское общество было вовсе не подчиненным объектом, но активным субъектом, особенно в городской жизни, в области образования и культуры, в экономике и в сфере современного искусства. Вместе с тем близкая государству, отчасти служившая буржуазия, привилегированная посредством образования, и мелкая буржуазия служили центром притяжения общества.

Во-вторых, как доказывает автор, если рассматривать вещи в исторической перспективе и европейском контексте, то авторитарные государства, вроде прусского «Obrigkeitsstaat», имеют свои преимущества перед свободно-либеральными государствами. К числу таких преимуществ относится обуздание частного насилия и общее умиротворение повседневной жизни, а также нормализация и рационализация жизненных условий посредством требований следовать формальным правилам и исполнять распоряжения центральной власти. Власть денег и денежная (не систематическая) коррупция чиновников здесь, как правило, имеет меньшие масштабы, а инфраструктура функционирует лучше.

Однако авторитарный характер прусской государственности имел и свою оборотную сторону. Это – чрезмерное доверие к государству и оправдание человеческих жертв тем, что они принесены во имя государственных интересов, крен в сторону полицейского государства и ограничения, накладываемые на правовое государство. Безопасность в авторитарных государствах достигается за счет свободы граждан, способность отдельных секторов экономики к инновациям тормозится, а культура участия граждан в общественно-политической жизни не получает достойного развития. Возведение на пьедестал сильного государства облегчило захват власти в 1933 г. власти национал-социалистами и формирование нацистского режима в Германии. Немецкая история служит ярким примером того, как под прикрытием формально-законных и легальных норм творилось откровенное беззаконие. Все это стало результатом того, что динамичная модернизация и хозяйственная либерализация в Пруссии, проводимая усилиями авторитарного государства на протяжении целого столетия (1815 – 1918) так и не привели к удовлетворительному решению проблемы политического участия. Это – один из важных уроков, который история Пруссии/Германии еще и сегодня преподносит всем тем странам, где двигателем социально-экономической модернизации выступает авторитарное государство.